

— Генерал, вас что-то тревожит? — Кэтрин закончила доклад о расписании на сегодня и, заметив залегшую между его бровей складку, мягко улыбнулась.

Пальцы Мориса на мгновение замерли. Он поднял голову. В его холодном взгляде, устремленном на Кэтрин — верную помощницу, работавшую с ним бок о бок уже много лет, — сквозила отрешенность. Скрывать смутение, вновь поселившееся в душе, он не стал.

— Есть немного... Но я еще не до конца разобрался в собственных мыслях, — его ровный, лишенный эмоций голос прозвучал с едва заметной запинкой.

— Полагаю, дело не в работе? — Кэтрин была проницательна. Она давно заметила, что после выходных генерал сам не свой. Казалось, его привычная холодность достигла критической отметки — так низко температурный столбик его настроения не опускался уже несколько месяцев.

Морис переплел длинные пальцы и сухо спросил:

— С чего такие выводы?

Сплетенные пальцы — верный признак того, что генерал начинает раздражаться. Кэтрин поспешила сгладить углы, плавно переведя разговор на заранее подготовленную тему:

— Сегодня вторник, а значит, должен прибыть генерал Грант. Он ведь не предупреждает о точном времени?

Благородные черты лица генерала едва заметно посуровели. После недолгого молчания он глухо спросил:

— Когда его ждать?

— Всё как обычно, сэр. Генерал Грант терпеть не может точных графиков.

— Свободна, Кэтрин. И принеси мне ледяной воды.

— Слушаюсь, генерал.

Заметив, что Морис уже справился с секундной слабостью и вновь погрузился в бесконечные столбцы данных на мерцающем голографическом экране, Кэтрин бесшумно направилась к выходу. Ей так и не удалось разузнать, что гложет ее начальника, а ведь она могла бы хоть чем-то помочь.

«И всё же я поступила опрометчиво, — размышляла она, закрывая за собой дверь. — Хотя за последние две недели его превосходительство стал напоминать себя прежнего... Нет, всё не то. Что же на самом деле произошло с ним в Атлантиде? Вернувшись оттуда, он сделался совершенно безжалостным. Настоящая ледяная глыба, к которой не подступиться».

Оставив кабинет, Кэтрин невольно предалась воспоминаниям о былых временах. Да, Морис всегда отличался аристократическим высокомерием и холодностью, но это был лоск благородного сословия. Тогда он хотя бы изредка давал ей ценные советы и справлялся о здоровье ее дочери, Энн.

«Хорошо, что едет генерал Грант... Его превосходительство терпеть не может, когда лезут в его личную жизнь. Но брат-то уж точно не станет деликатничать».

Представив их очередное столкновение, Кэтрин застыла с кубиком льда в щипцах и со вздохом потерла виски.

Морис сидел за столом, сохраняя безупречную военную выправку. Расправленные плечи, идеально прямая спина — его поза казалась верхом изящества, если бы не сквозившая в ней натянутость. Он не отрывал потемневшего взгляда от отчета Хань Цзина, из последних сил сдерживая бушующее в крови вожделение. Внезапно его лазурные зрачки сузились: по телу волной прокатился знакомый, изнуряющий спазм.словно электрический разряд прошел позвоночник и ударил в пах. Сердце испуганно споткнулось, и Морис, судорожно выдохнув, стиснул бедра.

«Проклятье!..»

Его затрясло. На безупречно гладком лбу выступила испарина. Дрожащими руками Морис выдвинул ящик стола и, не раздумывая, проглотил несколько таблеток содиума. Страшная правда обрушилась на него: он увяз. Он познал вкус этого запретного плода и теперь жаждал его каждой клеткой тела. Всего четыре дня воздержания, а он уже на грани безумия. Даже мощные нейролептики не спасали. Тело, подобно организму заядлого наркомана, требовало дозы. Стоило прекратить прием этого суррогата близости, как под кожей начинали копошиться тысячи невидимых муравьев, заставляя его бедра непроизвольно сжиматься в поисках ласки.

«Он объявил мне холодную войну? Но почему?»

Морис мог быть бесстрастным, но глупцом не был. С того самого дня, как Хань Цзин вернулся на Базу № 9, между ними выросла стена. Исчезла былая нежность. Хань Цзин держался подчеркнуто вежливо, соблюдая субординацию так скрупулезно, что это граничило с издевкой. Даже когда Морис пытался сделать робкий шаг навстречу, тот оставался глух и слеп, прикрываясь работой над этим злосчастным отчетом.

Генерала съедало изнутри глухое раздражение. Даже когда препарат ненадолго притуплял физическую муку, образ этого упрямого китайца продолжал стоять перед глазами, точно проклятие, лишая его остатков покоя.

«Нужно поговорить с ним. Обязательно...»

Морис до боли сцепил пальцы, молясь, чтобы лекарство наконец подействовало. Но где-то в самых темных глубинах души уже пустил корни липкий, неодолимый страх. Если ему не суждено избавиться от проклятия Атлантиды, то эта связь с Хань Цзином погубит их обоих. Он увязал в ней всё глубже, превращаясь в безвольного раба своей похоти. Тело больше не подчинялось разуму. Каждую секунду оно кричало, изнывая по чужим прикосновениям, по горячему дыханию и влажным, требовательным губам...

— М-м-м... — Морис низко опустил голову.

Его правая рука, мелко дрожа, скользнула по гладкой столешнице к самому краю. Стыд и вожделение сошлись в смертельной схватке, разрывая его волю в клочья. Ему было невыносимо, дико, больно. Сдаваться он не желал, но плоть диктовала свои условия. За дверью настойчиво стучали, однако он не мог даже шевельнуться. Сжатые бедра отзывались новой волной мучительного удовольствия, а вставший колом пах натянул ткань форменных брюк до предела.

Силы иссякли. Опустив руку на пылающий, содрогающийся орган, Морис уткнулся лбом в левую ладонь, пряча искаженное гримасой лицо. Зубы до крови вонзились в нижнюю губу.

— А-а... х-хах... — хриплый, удушливый стон сорвался с губ в звенящую тишину кабинета.

Член под его пальцами окаменел, превратившись в сосредоточие чистой, невыносимой боли. Но как бы Морис ни пытался облегчить это мучение, разрядка не наступала. Высокое напряжение плавало мозг, мысли путались, рассыпаясь искрами, а тело крупно, неудержимо била дрожь.

В полузабытьи ему снова почудился призрачный силуэт — серебряные волосы, сияющие золотом глаза атланта...

Морис тяжело, протяжно выдохнул. Мука наконец отступила. Он со стоном приподнялся на ватных руках. Напряжение в паху никуда не делось, но подействовавший содиум загнал зверя обратно в клетку, сковав тело химическим панцирем. И всё же Морис понимал: это лишь передышка. Подавленная похоть копилась внутри, подобно бурлящему паводку перед прорывом плотины. Рано или поздно вода поднимется выше критической отметки, и тогда эта стихия хлынет наружу, сметая всё на своем пути.

Отчаяние ледяной волной накрыло генерала. Его красивое лицо побледнело, на нем проступили следы непривычной, пугающей слабости. Медленно, словно прячась от самого

себя, он закрыл лицо ладонями.

— Что с тобой творится последние пару дней? Никогда не видел, чтобы ты рвался к работе с таким рвением, — Берджесс с сомнением покосился на бледного, осунувшегося Хань Цзина. Сегодня он решил проявить редкое милосердие и не нагружать парня сверх меры.

Хань Цзин сделал глоток обжигающего черного кофе и устало улыбнулся:

— Я ведь пытаюсь помочь тебе настроить ментальную связь с Атлантидой. Радоваться надо, а ты разворчался как старуха.

— Я за твоё здоровье переживаю. Тебя что, укусил кто-то? Откуда такое самопожертвование?

— Вовсе нет, — Хань Цзин мягко покачал головой и поставил чашку на столик, намереваясь вернуться в оранжевое свечение энергетической колонны.

Там, внутри этого силового поля, таилось то, что он так упорно искал. Потоки густого, лазурного света преломлялись, соприкасаясь с силовыми линиями, и складывались в завораживающие, постоянно меняющиеся узоры. Каждое погружение в это излучение дарило ему невероятное математическое озарение. За четыре месяца кропотливых исследований он наконец нащупал едва уловимый след неведомой силы, направлявшей его разум. Она словно вела его к разгадке величайшей тайны — к запуску легендарных Звёздных врат, перехода в иные миры.

«Раньше я чувствовал это притяжение, но из-за чудовищного отката не решался рисковать, — размышлял он. — Теперь всё иначе. Морис, Атлантида... Возможно, прямое взаимодействие с их технологиями — наш единственный шанс прикоснуться к наследию предков».

Поглощенный своими мыслями, Хань Цзин проигнорировал предостерегающий жест Берджесса и уже занес ногу над границей энергетического контура, когда на его левом запястье тревожно вспыхнул синий индикатор коммуникатора.

«Неужели он?!»

Хань Цзин оцепенел. Глядя на высветившееся имя абонента, он почувствовал, как пальцы предательски задрожали. Сердце испуганно пропустило удар и забилося где-то у самого горла. Лишь спустя несколько секунд он заставил себя нажать кнопку приема.

Из динамика раздался знакомый, лишенный малейших интонаций голос:

— Это Морис.

Постаравшись унять внутреннюю дрожь, Хань Цзин ответил максимально сухо:

— Здравствуйте, генерал.

Собеседник пропустил эту подчеркнуто холодную вежливость мимо ушей и заговорил привычным тоном, не терпящим возражений:

— Зайди ко мне в кабинет. По поводу твоего отчета возникли вопросы, требующие разъяснений.

— Слушаюсь, генерал, — ровно проговорил Хань Цзин.

Грудь обожгло острой болью, когда на том конце связи без лишних слов раздалась короткая гудка.

— Что-то случилось? — любопытствовал Берджесс.

Хань Цзин помедлил, пытаясь совладать с нахлынувшими чувствами, но в его притворно-спокойном голосе всё же прорезалось раздражение:

— Ничего особенного... Мне нужно идти. Срочные дела.

«Значит, для него я просто аналог содиума? — злость закипала в груди. — Живая таблетка, которую можно вызвать по щелчку пальцев только потому, что он четырёхзвёздный генерал? Мой непосредственный начальник? Этот его приказной тон... Он видит во мне лишь подчиненного. Ему и в голову не приходило общаться со мной на равных».

Направляясь в сектор Эрра, Хань Цзин прокручивал в голове сухие фразы генерала. Обида, копившаяся последние дни, окончательно переросла в глухой гнев, вытесняя всякие попытки мыслить здраво.

— Простите, вы к кому? — Кэтрин грациозно поднялась из-за стола, с любопытством разглядывая незнакомого азиата и попутно сверяясь со списком встреч на сегодня.

— Меня зовут Хань Цзин, я из математической группы. Прибыл по распоряжению генерала Мориса, — он тоже окинул ее взглядом. Перед ним стояла классическая западная красавица, от которой веяло тонким, едва уловимым ароматом дорогого вина и благородного спокойствия.

«Так это и есть Кэтрин?»

Скользнув взглядом по аккуратному бэйджу на ее груди, Хань Цзин невольно вспомнил обрывок старого разговора генерала Шермана с Морисом: «Пусть твоя Кэтрин организует мне порцию эскарго». Эта невинная фраза сейчас почему-то отозвалась в нем уколом глухой ревности.

Кэтрин отвлеклась от монитора и удивленно посмотрела на Хань Цзина. Она лишь недавно узнала, что этот скромный на первый взгляд молодой человек не просто новенький в отделе, но и ухитрился получить разрешение на проживание в элитном секторе Роедлас рядом с самим генералом.

«Он ведь даже не числится в оперативном штабе, зачем генералу вызывать его лично?»

Спрятав любопытство за вежливой улыбкой, Кэтрин связалась с шефом и, получив добро, жестом пригласила гостя следовать за ней.

Генерал сидел за столом, замерший и безупречный. Длинные золотистые волосы ничуть не смягчали суровое, точно высеченное из камня выражение лица. Сплетенные пальцы покоились на столешнице. Он окинул вошедшего Хань Цзина холодным, оценивающим взглядом сверху вниз — и это аристократическое высокомерие вновь больно задело гордость математика.

— Садись, — сухо обронил Морис, дождавшись, пока за Кэтрин закроется дверь.

Он нажал кнопку на панели управления, и жалюзи из кристалла Туаой плавно перекрыли панорамное окно, погрузив просторный кабинет в полумрак и отрезав его от внешнего мира.

«И о чем же он хочет спросить?»

Хань Цзин опустил в кресло, выпрямил спину и упрямо встретил тяжелый, давящий взгляд генерала.

Вопреки тайным опасениям Хань Цзина, Морис и не думал заговаривать о личном. Его лицо оставалось маской строгого профессионализма. Он методично, пункт за пунктом, разбирал представленный отчет. Вопросы генерала были невероятно точными, глубокими и выдавали в нем человека, безупречно разбиравшегося в теме, что шло вразрез с его сугубо военной карьерой. Шаг за шагом Морис подбирался к самому сложному разделу — гипотезе о высших пространственных измерениях, которая для самого Хань Цзина пока оставалась областью чистой интуиции. Математик почувствовал, как по лбу поползли капли пота.

«Как у него это получается? — с горечью думал Хань Цзин. — Я сам затеял эту глупую игру в

молчанку, но теперь задыхаюсь от собственной злости рядом с ним. А он сидит как ни в чем не бывало. Спокойный, собранный, говорит исключительно по делу. Ни одного лишнего жеста, ни единой эмоции на лице. Разве любящий человек способен на такое самообладание? Или... у него просто нет ко мне никаких чувств?»

Эти мысли ранили сильнее любого оружия. На мгновение Хань Цзин потерял нить разговора и запнулся на полуслове.

Морис не менял позы, но его пальцы едва заметно потирали друг друга — единственная деталь, выдавшая, что за ледяным фасадом бушует не меньшая буря.

— В своем отчете ты заявляешь о существовании двенадцати пространственных измерений, — Морис слегка нахмурился, недовольный секундной заминкой собеседника, и его голос зазвучал жестче. — Но тебе прекрасно известно, что даже древние Звёздные врата Атлантиды оперировали максимум девятью измерениями. Твои выводы не кажутся тебе безумием? Где твердая теоретическая база, Хань Цзин?

Сделав глубокий вдох, математик постарался вернуть былую уверенность. Однако из-за отсутствия весомых доказательств его голос прозвучал тише обычного:

— Да, сэр... Пока это лишь гипотеза. Но если рассмотреть конструкцию Звёздных врат под ракурсом АК, математические уравнения сходятся. Я убежден, что именно здесь кроется ключ к их активации. Технологии Атлантиды лежат далеко за пределами привычного нам научного понимания.

— Веблен и его группа упрямо твердят, будто многомерность — это лишь череда разрывов единого континуума, где каждый осколок существует обособленно, но влияет на соседние. Ограниченные рамками теории Проциона, они свято верят, что любое последующее измерение априори превосходит предыдущее. Якобы четырехмерная цивилизация стоит на эволюционной лестнице неизмеримо выше нашей, трехмерной. Но я категорически не согласен с таким подходом.

— Многомерность не тождественна превосходству. По крайней мере, до седьмого измерения включительно. Если там и обитают разумные существа, они просто изолированы от нас физическими законами, но их культура и технологии могут быть вполне сопоставимы с нашими. А вот за порогом седьмого измерения начинается то, что Веблен называет «высшей формой бытия». Логично предположить, что в двенадцатом измерении эволюция достигает своего абсолютного пика. Сущности, обитающие там, способны свободно перемещаться во времени, мгновенно преодолевать расстояния и стирать в пыль целые трехмерные галактики одним лишь усилием воли.

— Почему именно седьмое измерение служит водоразделом? В твоей работе нет четкого обоснования этой границы, — холодно перебил его Морис. По его лицу было невозможно понять, разделяет ли он эти смелые мысли или считает их бредом сумасшедшего, как и прочие академики.

— На данный момент... у меня нет строгих математических выкладок, — Хань Цзин горько усмехнулся. Скрывать правду от Мориса не имело смысла. — Вы вряд ли мне поверите, но эти формулы родились из моих ментальных резонансов с энергополем Атлантиды. Я чувствую, что это верное направление. Наш единственный шанс запустить Звёздные врата.

— Бездоказательная писанина. Веблен и остальные разнесут твою работу в пух и прах...

«Значит, всё зря?..»

Сердце Хань Цзина болезненно сжалось под тяжестью этих бесстрастных слов. Он приготовился выслушать вердикт об отстранении, но генерал внезапно замолчал.

Морис медленно, с присущим ему изяществом поднялся из-за стола, подошел к панорамной стене из кристалла Туаой и устремил взгляд в манящие, лазурные глубины океана.

— Тебя... что-то тревожит? — наконец спросил Морис, оборачиваясь.

Его взгляд, острый как клинок, пронзил Хань Цзина насквозь, но в самой глубине его глаз на мгновение промелькнуло смятение. Генерал незаметно сжал кулаки, на его лбу вновь обозначилась едва заметная морщинка, а голос прозвучал с напускной, ледяной суровостью.

Хань Цзин опешил. Выдержав этот давящий взгляд, он тоже медленно поднялся с кресла.

— Вы спрашиваете меня как мой непосредственный начальник, генерал Морис?

— Нет... — Морис на мгновение замялся, пытаясь скрыть гложущую его тревогу. Его лицо вновь приняло бесстрастное выражение, напоминающее бескрайние снежные равнины. — Я спрашиваю тебя лично. Ты избегаешь меня, Хань Цзин?

«О каком равенстве может идти речь? Опять этот покровительственный тон, этот взгляд свысока!»

Вспышка ярости затопила разум Хань Цзина. В эту секунду он возненавидел эту безупречную, ледяную маску. Ему до безумия захотелось сорвать ее, разбить этот панцирь и заставить упрямого генерала показать свое истинное лицо. Что скрывается за этой вечной мерзлотой?!

— В таком случае... могу я называть тебя просто по имени? Морис? — Хань Цзин вдруг мягко улыбнулся.

Этот нежный, обволакивающий взгляд темных глаз заставил сердце генерала испуганно екнуть. Ослепленный внезапным порывом нежности, Морис даже не заметил опасной фальши, скользнувшей в этой улыбке.

Хань Цзин сделал шаг вперед, сокращая расстояние между ними до минимума. Морис продолжал смотреть на него с прежней холодностью, но его тело предательски запылало.

— Можешь, — ровный, бесстрастный голос генерала по-прежнему надежно оберегал тайны его израненной души.

«Кто я для тебя на самом деле, Морис?»

Этот вопрос застрял у него в горле. Он так и не решился спросить напрямую: неужели он действительно лишь биологический аналог содиума для снятия похоти? Смириться с подобным унижением было выше его сил.

Он всматривался в точеные, словно сошедшие со старинных гравюр черты лица, которые успел изучить до мельчайшей черточки за те безумные ночи, проведенные вместе. Хань Цзин медленно нахмурился.

Подавшись вперед, он резко, собственнически сжал плечи Мориса. Тот вздрогнул от неожиданности, но Хань Цзин уже почувствовал пальцами лихорадочный жар его тела. Разум заволокло туманом. Ведомый то ли безумной страстью, то ли желанием отомстить, он грубо, требовательно впился в его губы поцелуем. И как бы Морис ни пытался сопротивляться, Хань Цзин лишь крепче стиснул объятия, прижимая генерала к себе так, словно держал величайшее сокровище всей своей жизни.

В первый миг Морис совершенно растерялся, его мысли замерли. Когда же к нему вернулась способность соображать, он обнаружил, что намертво зажат в чужих объятиях. Их тела были прижаты друг к другу так тесно, что между ними невозможно было просунуть и лезвие ножа. Знакомый дикий восторг и ужас захлестнули его с новой силой, лишая воли к сопротивлению. Тело Хань Цзина казалось гибкой лозой, опутавшей его с ног до головы и пробудившей в самых глубинах сознания первобытный голод.

— Я люблю тебя, Морис. Но любишь ли ты меня? — Хань Цзин наконец отстранился от тяжело дышащего, разгоряченного генерала. Взглянув в его потемневшие от гнева и смущения лазурные глаза, он криво усмехнулся с горьким самосожалением.

Пересиливая жгучий стыд и разрывающие его противоречия, Морис выдержал тяжелый взгляд математика. После долгого молчания он озвучил то, о чем неустанно размышлял все эти мучительные дни:

— Твои чувства ко мне... Они настоящие? Или это лишь отголосок Иллюзии Атлантиды?